

Английский
любовный роман

Читайте романы Эмили Остен:

ЛЮБОВЬ И ПРЕДРАССУДКИ

ЧЕСТЬ И ЛУКАВСТВО

ШЕЛК ДЛЯ ИСТИННОЙ ЛЕДИ

ВЕРСАЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

ПОД ПОЛОГОМ СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ

БАРХАТНАЯ МАСКА

СЕРДЦЕ КРЕСТОНОСЦА

ГРЕШНИКИ И СВЯТЫЕ

ТАЙНА ГУВЕРНАНТКИ

ЖЕНИХ ДЛЯ ДОЧЕРИ

ДЕВУШКА С ПОЛОТЕН ТИЦИАНА

ПОКА КОРАБЛЬ ПЛЫВЕТ

ПРИМЕТЫ ЛЮБВИ

КОРОЛЕВСКИЙ ВЫБОР

ПРЕДАННОСТЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

АВАНТЮРА ЛЕДИ ШЕЛДОН

ВЕРНОСТЬ И СОБЛАЗНЫ

ЖЕНА ШУТА

ЭМИЛИЯ
ОСТЕН

ПРЕДАННОСТЬ
И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
О-76

Emily Austen
TRUST AND TRUE

Литературная обработка *Е. Полянской*

Художественное оформление серии *С. Власова*

Остен Э.
О-76 Преданность и предательство : роман / Эмилия Остен. — М. : Эксмо, 2013. — 288 с. — (Английский любовный роман. Эмилия Остен).

ISBN 978-5-699-67548-7

Титания, дочь вождя даков, полюбила. Но не человека, принадлежащего к ее племени, не того, кого отец с гордостью назвал бы своим преемником. Ее избранник — римлянин, из тех, кто пришел в Дакнию, считая ее провинцией Рима. Теперь, перед угрозой нашествия варваров, ситуация обострилась. Даки и римляне больше не друзья. Сердце Титании разрывается на части: как тяжел выбор между любовью к мужчине и преданностью собственному народу.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-67548-7

© Остен Э., 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Пролог

*Второй год правления Императора
Аврелиана (271 год н.э.)*

Рим покидал Дакию. Пятый Македонский легион уходил за Дунаем. Уже несколько лет из метрополии приходили тревожные слухи, сулившие потрясения, но, пока легион не получил прямого приказа, граждане не особо беспокоились за свою судьбу. Что бы ни приближалось из-за гор с востока, какие бы варвары ни кишели на бескрайних просторах степей, начинавшихся от границ Римской Дакии, легион был способен управлять ситуацией. Легион способен справиться с чем угодно. Мощь Рима, рука Рима — все это легион. И теперь он уходил. Бесконечная красная лента, блестящая золотом и серебром, уползала к мосту, переброшенному через сытую реку, а позади горел каструм¹. Черные клубы дыма пятнали небо, затянутое белесой дымкой, похожей на налет на губах во время болезни.

¹Каструм — военный лагерь римлян.

Вместе с легионом уходили и благоразумные римские граждане, чьи семьи уже несколько поколений прожили в Дакии. Что значит сотня лет для Вечного города? Лар Элий Север, римский гражданин, потомок древнего, хотя незнатного, рода, ветеран Пятого Македонского легиона, вышедший в отставку с должности префекта лагеря, был благоразумен, но привык полагаться на себя. Пусть его легион уходит, но он остается. Здесь его земля, здесь его люди — и тот, кто захочет это оспорить, проклянет тот роковой день, когда в его голову пришла такая глупая мысль. Придержав коня на холме, Лар Элий бросил последний взгляд на войско, покидавшее Дакию, бывшую провинцией Рима более ста семидесяти лет.

Император Траян сейчас проклиняет, наверное, своих потомков. Легион уходил в полном порядке, со всем имуществом и казной, даже не вступив в сражение. Такого еще никогда не случалось в Империи. Рим никогда не отдавал того, чем сумел завладеть. До сих пор. Конечно, решение оставить ту часть Римской Дакии, что лежала к востоку от Дунае, было благоразумным. Тревожные слухи с востока обернулись реальной опасностью. Пятому Македонскому легиону все чаще приходилось

выступать в поход, чтобы отразить очередной набег.

Лар Элий поморщился, когда взгляд его обратился к Патависсе, дакийскому городу рядом с каструмом. Каструм горел, город же затих, словно боялся вздохнуть. Обычно оживленная торговая площадь была совершенно пуста, на ступенях храма валялись обрывки бумаги. Половина домов обезлюдела в это утро. Даки, конечно, пока что радовались этому, ведь все, что останется после римлян, достается им. Они еще не поняли, что оказались беззащитны. Что же, Лар Элий Север и его ветераны уж точно не беззащитны в своем лагере. А остальное — не проблемы римлян. Теперь уж точно не их.

Лар Элий тронул коня, направляясь к дороге, огибавшей город. Верания, должно быть, уже на полпути домой. Остается только догнать жену. Кажется, зря он поддался на ее уговоры и взял с собой в Патависсу. Ему и самому не следовало ехать туда, даже несмотря на приглашение Сарбонна, правителя Римской Дакии. Если быть точным, бывшего правителя бывшей Римской Дакии. Разговор вышел тяжелый и абсолютно бесполезный.

Императору нужно было кого-то обвинить

в падении провинции, и Сарбонн как нельзя лучше подходил для того, чтобы сыграть эту роль. Легион получил приказ отступить — и приказ не предоставлять свою защиту «предателю Сарбонну». И теперь старому негодяю некуда было податься: в Риме его ждали лишь казнь и позор, а в Дакии — разорение и смерть. Без поддержки римского оружия он стал всего лишь завидной добычей.

Лар Элий, прибывший в Патависсу сегодня утром вместе с женой, удивился, увидев, во что превратился дом Сарбонна: кажется, его уже успели пограбить, слуги сбежали, а сам хозяин сидел, запершись в своих покоях, двери которых никто не охранял. Лару пришлось долго стучаться, прежде чем его впустили. Хотя струсившего хозяина можно понять. Оставалось надеяться, что разговор не затянется, да и о чем тут уже говорить? Последняя дань вежливости.

— Лар Элий Север! Как я рад, что ты получил мое письмо! — Сарбонн, наконец отперший двери, выглядел не лучше своего дома: в сбившейся тоге, волосы в беспорядке, руки сжимают украшенный драгоценными камнями пояс, а глаза бегают из стороны в сторону, словно выискивая опасность. Все три жирных

подбородка (средний украшен бородавкой) мелко дрожали.

— Я получил его, но я так и не понял, чего именно ты от меня хочешь. — Лар Элий не стал снимать плаща, рассчитывая, что разговор выйдет коротким.

— Я хочу... Я прошу твоей защиты! — Сарбонн попытался взять себя в руки и даже перестал трястись. — Я хорошо заплачу.

— У меня достаточно золота. — Кажется, Сарбонн совершенно сошел с ума от страха, если пытается его подкупить.

— Я могу заплатить шелком или вином. — Это предложение выглядело еще глупее, чем прежде.

— У меня все есть, Сарбонн. — Лар Элий запахнул плащ, намереваясь уйти.

— Я могу рассказать тебе, что планирует император! — сделал еще одну попытку бывший правитель.

— Я это и так знаю. В Галлии беспорядки, варвары постоянно беспокоят наши границы. Дакия будет оставлена навсегда. — Несколько коротких слов, но за ними стояла судьба целой провинции.

— Но... — Сарбонн явно полагал, что знает

то, что никому не известно. Какая самоуверенность.

— Я говорил с командиром легиона. Он мой старый друг, — снизошел до объяснений Лар Элий. Все равно теперь источник его осведомленности удаляется за Дунае со скоростью пешего марша легиона с обозом.

Сарбонн снова забежал по комнате, жирное брюхо мелко подрагивало, словно внутри перекатывался песок.

— Ты же гражданин Рима! — вскричал бывший правитель визгливым голосом. — Ты давал присягу!

— Да. Но вот только ты, как мне кажется, больше Риму не нужен. Впрочем, как и я. Теперь каждый сам за себя. Не вижу причины защищать тебя, проклятого императором. Жизнь может обернуться по-всякому. Я предпочту дружить с Империей, а не с тобой.

Сарбонн бросился к Лару Элию, на мгновение тому показалось, что бывший правитель рухнет на колени, но толстяк лишь попытался вцепиться в его руку.

— Прояви милосердие! — взмолился он.

— Меня прозвали Севером¹, — пожал плеча-

¹ Север — жестокий (*лат.*).

ми тот и пошел прочь, оставив трясущегося старика встречать судьбу в одиночестве.

Верания ждала в повозке. Можно было приехать верхом, но женщина всегда предпочитала удобства скорости. Она родилась и выросла в Риме, в общем-то, она почти всю жизнь там провела, не считая тех нескольких лет, что прожила здесь, в Дакии, с мужем, вышедшим в отставку и получившим землю в награду за долгую верную службу.

— Чего он от тебя хотел? — Несмотря на пасмурное утро и долгую дорогу, жена выглядела свежо и безмятежно. Лар Элий никогда не уставал любоваться ею, словно она могла исчезнуть, испариться, и нужно было не сводить с нее глаз.

— Защиты, — пожал плечами Лар Элий.

— Ты ему отказал, — это был не вопрос, а утверждение. — И правильно. — Она мечтательно улыбнулась: — Вдруг ты когда-нибудь решишь вернуться в Рим.

Верания ни словом, ни взглядом ни разу не упрекнула мужа за то, что ей пришлось покинуть цветущую метрополию ради диких скал Дакии. Лар Элий всегда мечтал о своем куске земли, а в италийских краях шансов получить надел практически не было. Здесь же ветера-

ны обретали столько земли, сколько могли удержать.

— Ты же знаешь, что не решу. — Лар Элий улыбнулся жене, и его лицо, казавшееся до этого вырубленным из камня, на мгновение преобразилось.

Повозка тронулась. Улицы были совсем пустые, необычно и тревожно пустые, надо сказать. Обычно в это время дня здесь царила суета, сновали туда-сюда торговцы, толкая перед собой тележки с товаром, праздные прохожие прогуливались по плазам, заходили в термополии¹ и трактиры, собирались группками, чтобы обсудить последние новости или планы на вечер.

— Лар. — Верания тронула мужа за руку. — На мгновение ты стал тем мальчишкой, в которого я влюбилась.

Лар Элий снова улыбнулся, но это была совсем другая улыбка, больше напоминавшая оскал хищника, чем проявление радости человеческого существа.

— Это было так давно.

— Двадцать лет. Но для меня ты все еще тот новобранец. — Верания с улыбкой смотрела на мужа.

¹ Термополией — баня, совмещенная с харчевней.

— А ты для меня — девчонка из дома напротив. — Лар Элий остановил повозку у большого дома, принадлежавшего Титу Патулусу, предводителю даков Патависсы. Верания была дружна с его молодой женой, Ульпией. — Я хочу посмотреть, как уходит легион. Не задерживайся, отправляйся сразу домой, я тебя догоню. И пусть Тит Патулус даст тебе пару человек сопровождения. На всякий случай.

— Хорошо, муж мой. — Верания легко спрыгнула с повозки. — И ты не задерживайся.

Лар Элий отвязал коня от задка повозки, легко взлетел в седло.

— Я не задержусь, — пообещал он.

Тем не менее задержаться пришлось. Хвост легиона все еще вился по дороге, когда Лар Элий добрался до перекрестка. Пришлось подождать. Солдаты часто приветствовали своего бывшего префекта салютом: он хоть и получил прозвище Север, лютым и несправедливым никогда не был, а воины больше ценят справедливость, чем доброту. Наконец последние солдаты миновали перекресток. Потянулись тяжело груженные повозки: граждане Рима покидали Дакию вслед за легионом. Целые семьи везли все нажитое с собой, надеясь на защиту солдат. Что же, защиту они по-

лучат, если сумеют держать темп, заданный легионом. Никто не будет подстраиваться под слабых и отстающих. Тот, кто отстанет, станет жертвой грабителей и варваров. В Патависсе уже кое-где начинали гореть дома. Кажется, Титу Патулусу придется повесить парочку мародеров. Хорошо, что Верания уже давно покинула город.

Лар Элий пустил коня рысью по дороге, огибающей город. Ворота стояли открытые, стражи не было. Кажется, следующие несколько дней станут временем безвластия. Жаль, что Тит Патулус не имеет никакого плана на такой случай, но это его проблемы. В лагере в горах, где Лар Элий поселился со своими ветеранами, вышедшими в отставку одновременно с ним, все в полном порядке, а проблемы даков их не касаются, как и проблемы Империи. Вернуться домой, закрыть ворота — и пусть хоть небо рухнет на землю.

Мощная дорога закончилась у лесопилки, дальше в ущелье, заросшее густым лесом, уходила лишь хорошо накатанная колея. Там, где кончался лес, ущелье сперва разворачивалось широкими просторами, а потом дорога упиралась в узкий проход. Там, за высокой несокрушимой стеной раскинулась небольшая, но

плодородная долина, орошаемая горными ручьями, со всех сторон ограниченная неприступными скалами, таившими в себе золото. Это и были владения Лара Элия Севера и его людей.

Лар Элий рассчитывал нагнать жену еще до лесопилки, но, по всей видимости, он задержался на дороге дольше, чем ему показалось. Следы повозки отпечатались на влажной земле, так что он был уверен, что Верания где-то впереди. Лес молчал, словно тоже затих из-за ухода римлян. Может быть, так и есть. Обычно здесь раздавались звуки пил и топоров, перекрикивались работники и лесорубы, сейчас же все казалось брошенным. Только птички щебетали, празднуя весну. Лар Элий вдохнул свежий лесной воздух полной грудью и ударил коня пятками, побуждая скакать быстрее. Оставшаяся позади Патависса и горящий каструм навевали тоску. Более романтичный человек сказал бы, что мир рушится; Лар Элий полагал, что мир, может, и рушится, но к нему лично это не имеет никакого отношения. Его мир — это Верания, его ветераны, его долина. И свой мир он уж точно сумеет защитить.

Размышляя о том, какие работы еще предстоит завершить этой весной, Лар Элий не